

ОКОПНАЯ ПРАВДА

РОМАНЫ, НАПИСАННЫЕ ВНУКАМИ ФРОНТОВИКОВ

ВЛАДИМИР ОСИПЕНКО

**ЛИЧНЫЙ ВРАГ
ГЕРИНГА**

МОСКВА 2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-74

Иллюстрация на обложке *Вячеслава Остапенко*

Осипенко, Владимир Васильевич.

О-74   Личный враг Геринга / Владимир Осипенко. —
Москва : Эксмо, 2023. — 320 с. — (Окопная правда
Победы. Романы, написанные внуками фронто-
виков).

ISBN 978-5-04-172906-6

1942 год. К обозу нашего авиационного полка прибился не-
обычный попутчик. «Дед» — так в шутку прозвали нового сослу-
живца летчики и определили его в помощь механикам. Но чем
дальше новичок показывал свое умение, тем очевиднее станови-
лось, что это не простой беженец. Глубокие технические знания,
безупречная дисциплина и выправка выдавали в нем военного.
На прямые вопросы о себе Павел Бессонов отвечал уклончиво.
Особисты терялись в догадках, кто он на самом деле. Тайна оста-
валась неразгаданной до тех пор, пока однажды над советским
аэродромом внезапно не появились фашистские истребители...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-172906-6

© Осипенко В.В., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

Кто хоть однажды был крылатым,
прописан в небе навсегда!

В. Федоров

Часть 1

Дед неподвижно сидел прямо на земле, прислонившись к плетню. За его спиной тянулись кошары, в которых уже неделю не было ни одной овцы. Ворота настезь, легкий ветер гонял пыль, сухую траву и невесть как сохранившиеся клочья овечьей шерсти. Судя по внешнему виду, старику тяжело далась прошедшая ночь. Дед с наслаждением вытянул измученные ноги и подставил лицо набравшему силу весеннему солнцу. Непокрытая голова, рваные штаны, такой же потрепанный, явно с чужого плеча пиджак на голое худое тело. Серые волосы припорошены дорожной пылью. На лице свежие кровоподтеки, вокруг шеи — синяк.

Поток беженцев иссяк, мимо тянулась только военная тыловая колонна. Причем не к фронту, а в тыл. На замыкании — груженные всяческим барахлом «ЗИСы» с прицепленными полевыми кухнями и бочками.

Впереди у разбитого моста через небольшую речушку вышла заминка. Колонна остановилась. «Ищут брод», — подумал дед. Из кабины последнего грузовика выскочила невысокая дивчина в гимнастерке, юбке и аккуратных сапожках, тонкую талию подчеркивал армейский ремень. Потянулась, увидела деда, подошла, огромными черными глазами посмотрела сверху вниз:

— Живой?

— Живой, красавица, — отозвался тот неожиданно сочным баритоном.

— Чего расселся?

— Устал... да и идти особо некуда.

— Кто это тебя так? — девушка достала платок, чуть послонявила его и протянула руку, чтобы стереть стусок запекшейся крови. Она почувствовала запах овчины и удивилась глубине голубых, совсем не стариковских глаз. Потом, словно спохватившись: — Есть хочешь?

— Благодарю, сударыня, — не без усилия дед поднялся и в знак благодарности поклонился. Он оказался на голову выше девушки. — Правду сказать, не помню, когда и ел-то до сыти.

— Сейчас, — девушка рванулась к машине и, ловко запрыгнув в кузов, стала рыться в ящиках. Впереди стоящая машина тронулась с места, и водитель ее «ЗИСа» несколько раз нетерпеливо посигналил.

— На, держи, — девушка протянула деду буханку хлеба и банку тушенки.

Произошло то, чего повариха-официантка столовой авиаполка озорная Шурка ждала меньше всего. Вместо того чтобы жадно схватить драгоценный дар, дед взял ее руки себе в ладони, пристально посмотрел в глаза и попросил:

— Возьмите меня с собой. Буду делать все, что скажете. Я многое умею... Прошу вас... — и столько мольбы было в его словах и во взгляде, что девичье сердце не выдержало.

— Полезай в кузов... Только никому не говори, что я разрешила.

* * *

О такой удаче дед, а по документам Бессонов Павел Григорьевич, 1897 года, уроженец Смоленской губернии, даже не мечтал. Про документ — очень сильное преувеличение. Выпросил справку в сельсовете, когда первый раз его обокрали в станице Петровская. На самом деле украли мешок с харчами и кое-какими пожитками, но в сельсовете поверили, что там были и документы. А то ведь куда ни сунься: «Покажите документы!» — и волокут в комендатуру. Насиделся и натерпелся, не рассказать словами... Научился прикидываться дурачком. Честно говоря, по внешнему виду на большее и не тянул.

Первые три дня, пока ждали прилета полка и вгрызались в землю, дед не выпускал из рук лопату. Копал так, что молодые не выдерживали и просили о перекуре. Не то что загорел — почернел на солнце. Мужики оценили его рукастость и готовность к любой работе, а бабы отметили обходительность. Ни одного грубого слова, ни, боже сохрани, мата. Особо молодые обратили внимание на худое, но красивое мускулистое тело. Похихикивали над Шуркой — мол, губа не дура.

Так он и остался при кухне: «Дед, принеси, наколи, подай». Все беспрекословно, вежливо, достойно. Ответного слова от него вообще дожидаться было сложно. Немного отъелся. Зажили язвы на ногах и на теле. Нашли ему латаную почти белую хэбэшку и вполне приличные кирзачи, чтобы не отсвечивал своим пиджаком на аэродроме. Ремень и пилотку сам где-то добыл. Издали — солдат как солдат, только без оружия.

Удивительно, но, занимая такое бесправное положение, дед не позволял собой помыкать, умел словом, иногда только взглядом поставить на место какого-нибудь любителя покомандовать. Единственным

неоспоримым авторитетом для него была «Александра Васильевна» — так и только так он обращался к Шурке. Она же гордилась «найденышем», опекала его, как могла, зорко следила, чтобы и остальные относились к нему с уважением.

На кухне официантки и поварихи давно рассмотрели, что «никакой он не дед» и у Шурки светятся глаза, когда она с ним заговаривает. Тут ошибки быть не может. Особенно после небольшого инцидента с комсомольцем полка. Он слыл полковым ловеласом, ни одной юбки не пропускал, чтобы не приобнять или не шепнуть на ухо что-то сальное. Когда в присутствии Бессонова он позволил себе положить руку Шурке гораздо ниже талии, тот бросил охапку дров и недвусмысленно двинулся к хаму. Однако его защиты не потребовалось, девушка сама вlepила неудачливо-му ухажеру такую звонкую пощечину, что остальные поварихи просто зашлись хохотом.

Когда у деда была свободная минутка, он тянулся к технарям. Сначала тоже «подай», «подержи». Обратили внимание на жадность, с которой он интересовался даже не деталями, а малейшими нюансами устройства двигателя и вооружения планера. Еще заметили, как он в свободную минуту подходил к самолету, гладил рукой плоскость, фюзеляж, открывал-закрывал лючки, смотрел в небо. Часовые привыкли и, когда рядом не было начальства, не прогоняли его. Иногда он сам уходил с глаз долой, делал гимнастические упражнения, вертелся волчком вокруг пальца, воткнутого в землю. Технари крутили пальцем у виска, а летчики понимали, но недоумевали: тренирует вестибулярный аппарат — зачем?

Не всегда Бессонов был молчалив. Когда речь заходила о самолете, его прорывало. Некоторые его

вопросы ставили в тупик даже старшину Хренова, сбегавшего из-под «брони» слесаря 6-го разряда из сборочного цеха Саратовского авиазавода, где клепали их «Яки». Технарья от бога. Человека, лютого до работы, крайне нетерпимого к бестолковости и лени, жесткого, но справедливого. Понятно, что над кличкой его долго не думали. Даже командир полка, с чьим самолетом нянчился старшина, не раз в запарке орал: «Куда этот Хрен делся?!».

Как-то незаметно попал Бессонов под крыло старшины. Хотя почему незаметно? Копаются стармех в двигателе, стоя на стремянке, а дед ему ключи подает.

— Торцовый на 17... Отвертку...

Потом не успел Хренов подумать, а помощник уже тянет ему выколотку, пассатижи или рожковый на 14...

«Он что, понимает, что я делаю и в какой последовательности?» — удивлялся поначалу старшина.

Потом копался Хренов с технарями как-то в двигателе командира. Тупит в воздухе, чуть поддать оборотов — греется. Сам помпотех полка капитан Руденко присутствовал и давал мудрые советы. Долго и мучительно пытались засунуть под обтекатель дополнительный радиатор. Не лезет, зараза. Чего только не перепробовали. Сидят, самокрутки садят, плюнь — зашипят.

Бессонов рядом в ведре с керосином по заданию старшины детали промывал. Неожиданно встал, стряхнул руки, достал из кармана железку, протянул капитану.

— Что это? — удивился Руденко.

— Мне кажется, причина перегрева — критически малое сечение патрубка нагнетателя. Я предлагаю заменить стандартный на этот.

— Хренов, а ведь он прав! Увеличим поток, не надо дополнительный радиатор. У самого вертелось в мозгу... Заборник красивый вышел... Сам сделал?

— А что здесь сложного?

— Ты вообще кто? — продолжил допрос помпотех, вставая и внимательно глядя на неожиданного рационализатора.

— Человек... С вашего позволения, Бессонов Павел Григорьевич...

— Я тебя, Бес, фамилию не спрашиваю. Что здесь делаешь?

На защиту Бессонова встал старшина:

— Да местный он, на кухню прибился. Пришел — кожа да кости. Сейчас хоть на человека становится похожим. В технике фору из нас любому даст, да и руки не из жопы растут. Разрешите, я себе его возьму.

— Я не против. Что Мыртов скажет?.. Да и на довольствии он не стоит...

— Мыртов пусть диверсантов и шпионов ловит, а мне каждая пара рук — на вес золота. Тем более такая. — Старшина с удовольствием пожал руку «деду», потом притянул его к себе и обнял. Возраста и роста они были одного, разве что Хренов носил усы и по весу превосходил Павла Григорьевича раза в полтора.

С того времени они стали почти неразлучны. Вместе работали, вместе ели, в одной землянке спали. Старшина даже попробовал поставить его в строй за собой, но Бес (с легкой руки помпотеха эта кличка прилипла к «деду» намертво) твердо сказал, что «не достоин». Хотя старшина и был категорически не согласен, спорить не стал. От греха подальше. А не согласен Хренов был по той причине, что лучшего спеца по выверке и пристрелке вооружения в полку не было. Делал он это настолько грамотно и виртуозно,

что лично комэски, не говоря о рядовых летчиках, находили и благодарили Бессонова за работу пулеметов.

Теперь «деда» можно было видеть не только рядом с самолетами, но и сидящим в их кабине.

— В самолетики Бес играет, — зубоскалили технари, глядя, как ходуном ходят закрылки и элероны.

— Цыц, криворукие, — тут же вступался Хренов, — человек головой работает!

И это было правдой. Добился Бессонов внедрения своей идеи... Хотели официально, но Руденко встал на дыбы: «Не сметь!». Вот они вдвоем втихаря и заменили заборник на командирском «Яшке». Одна проблема — на земле не проверить. Бой — не самое подходящее место для экспериментов. Где взять рискованного аса?

— Я бы сам мог, — заикнулся однажды Бессонов, когда они по случаю нелетной погоды решили приговорить старшинские запасы «наркомовской».

— Ты-ы? — удивился старшина, занюхивая корочкой очередные сто грамм.

— Не уверен, но попробовать можно, — ковыряя ложкой тушенку, проговорил новоиспеченный летчик.

— Забудь, а то Мыртов нам обоим голову снесет.

— Алексей Михайлович, дорогой! Фашист на Волгу прет, Сталинград с землей ровняет, каждый день кого-то из истребителей хороним, а мы Мыртова боимся. Знаю, мы победим. Русь не такое видела! Но спросят меня... Нет, я сам себя спрошу: «Что ты сделал для победы?» Смело и мужественно гайки крутил? Так?

— А что ты имеешь против гаек? — У Хренова от возмущения вздыбились усы. — Без них ничего не шевельнется. На конях сегодня не больно-то навоюешь.

— Алексей Михайлович, я тихонько, разгону, утюжком проверю на виражах и сяду. Обкатаем «единицу», и ты с чистой совестью доложишь командиру о готовности.

— Слушай, Бес, я вижу, ты мужик нормальный, но недоговариваешь. Где родился, крестился не помнишь, а по самолетам любого из нас за пояс заткнешь. Так разве бывает?

— Еще как бывает, Алексей Михайлович...

— Во-во, я про это и говорю. Мы все тут по фамилии или, того хуже, по кличкам и позывным, а ты, мля, по имени-отчеству. В пажеском корпусе воспитывались, ваш благородь?

— ОВШ, товарищ старшина.

— Это что?

— Офицерская воздухоплавательная школа, Гатчина, 1914 год. «Фарман», «капрони» — мои кони! Их движки и сегодня с закрытыми глазами разберу-соберу.

— И звание имеешь?

— Штабс-капитан.

Воцарилась пауза. Нехорошая.

— Чего примолк, товарищ старшина? Это я на той войне был штабс-капитаном. На этой еще до рядового не дослужился. Угостишь еще?

Хренов молча разлил по кружкам остатки водки. Бессонов встал, хотел вытянуться, но уперся головой в потолок землянки. Прокашлялся и заговорил сильным голосом:

— Фашист напал на мою Родину... Я мог отсидеться в тепле и сытости... Через неделю взвыл... Готов был зубами грызть... Считай, на пузе сюда приполз... Делаю, что позволяют обстоятельства, но могу гораздо больше, поверь. Поможешь, спасибо. Отдашь Мырто-

ву — пойму. Но, выбирая свой вариант, помни, кому ты сделаешь лучше. За победу!

Бессонов выпил. Положил в рот маленький кусочек хлеба. Боднул седой головой так, что на обратном пути все же стукнулся головой о перекрытие. Хотел выйти.

— Куда, ваш бродь? Пстой, я еще своего слова не сказал.

Бессонов сел и внимательно уставился на старшину.

— Ты закусывай, Павел Григорьевич. На войне недоесть и недоспать всегда успеем. Теперь так. Вижу, водка сильно тебе в голову дала. Про «ваш бродь» — забудь. И про наш разговор. Не было ничего. Технику изучил и практику получил ты в ОСОАВИАХИМе, хотя бы в Балашихе. Не, лучше в Кишиневе, где и травмировался на всю голову. Понял, загорелый ты наш?

— Понял, чего не понять...

— Ты мне не понякай! Понял, говорю?

— Так точно, товарищ старшина.

— Другое дело! Завтра посмотрим на твой «утюжок»...

— Спасибо! Клянусь честью...

— Пустое!

— Для вас, Алексей Михайлович, понятие чести пустое?

— Я не про это... Да сядь ты! — старшина достал кيسет, скрутил не торопясь самокрутку, затянулся и на выдохе заговорил: — Я на белом свете давно. Внуку пятый год... Ты мог мне ничего не говорить, я в людях разбираюсь, подлость за версту чую. И твою офицерскую косточку рассмотрел давно, хоть ты и под дурачка работаешь.